

Действующие лица: Мейерхальд — антрепренер городского театра и режиссер Кошеверов — в том же звании Савинов — просто режиссер Гурьев — помощник режиссера Театральная комиссия — чудидце обло, озорно, стозевно и лайя Два любителя драматического искусства Херсонец — человек ростом мал, развитием дик, поступками странен, в

действии сонлив, в требованиях скромнен Золотарев — администратор труппы Клейзмер — человек, которого знает tout Cherson! Думный дяк Театральный сторож Артисты, бояре, народ и др.

Действие первое Днепр. Недалеко от Перебойни вдруг показывается шаланда. На ней в строгом порядке чинно восседает труппа Мейерхальда и Кошеверова. На корме сидят антрепренеры, на носу стоит "помощник Гурьев и внимательно глядит вперед.

Мейерхальд Эй, Гурьев, вперед смотри; Коль театра здание усмотришь — Ты сейчас же, не медля ни минуты, Оповедай нам! Что видишь там ты, Гурьев?

Гурьев На Днепре-реке, на пристани Машет нам платочком беленьким Сам Антон Золотарев.

Кошеверов Челом ему! Пускай приветствует Московских лицедеев братию, Мейерхальда Всеволода, а с ним и Кошеверова И нашу героиню — Мунт! Смотри, однако, Гурьев, тщательно, Коль что усмотришь — скажешь нам!

Гурьев Стружки стрелой бегут по реченьке. Вот те стружки, что здесь зовут "шаланды". А на стружках на тех сидят комиссия, Слышущая под кличкой — "Театральная". Везет она свои постановленья, Да не десятками, а сотнями!

Кошеверов (поблдеув) О, Господи! Непусти греха И прони си грозу! (С тревогой) Смотри-ка лучше, Гурьев, Быть может, те постановления Комиссия не нам предназначает. А их везут лишь как балласт тяжелых, Иль что в Днепре-реке, как груз ненужный, Навеки без следа похоронить?

Гурьев Стружок к нам трафит, Мейерхальд! Отсель я ясно вижу лица членов, Но лица их, как женщина, коварны — Не разберешь никак: грозу или привет Комиссия готовит нам. Прикажешь умирать?

Мейерхальд О нет, не надо! Пускай мы встретимся, Пускай не в ратном поле, А на подмостках нашего театра Мы бой свирепый учиним. Посмотрим, чья возьмет: Их недоверие и тысяча претензий, Иль наше доброе и дружное старанье.

И ежели нам покорить придется Глухое недоверие херсонцев И прихотим их к серьезной драме, Не будет нам страна комиссия тогда! Идем же к ней! Сарынь на кичку! (Шаланда труппы сталкивается с шаландой театральной комисси. При этом столкновения между самой труппой и комиссией не происходит.) Мейерхальд (выпрямившись во весь рост) Привет мой вам, почтенные бояре, От труппы драматической, что будет

В театре подвизаться городском, От труппы той, что мнит поставить дело Не так, как ваш хваленый Иванов-

ский, Иль Малиновская, а с ней и все другие В Херсоне ставили досель.

Театральная комиссия Ну, помогай вам Бог! Отколь плывете?

Кошеверов Из Белокаменной. Вот я, да Мейерхальд, Да Мунт и Снегирев, а с нами и Савинов Из труппы Станиславского.

Театральная комиссия Желали бы мы видеть, Что вместе с вами прибыли в Херсон Вишневский, и Москвин, и Лужский, и Санин, И Книппер с Чеховым, и Данченко Владимир, И Станиславский сам, и Горький.

Де Линь

Мейерхальд (осмеливается заметить) Но Горький не актер.

Театральная комиссия (удивленно) Кто — не актер? Мы, помнитесь, читали, Что Горький с Станиславским заключили Какой-то договор.

Мейерхальд (вразумительно) То пьесу он давал.

Театральная комиссия А-а, пьесу! А мы, признаться, мнили (конфузится). Ну, впрочем, все равно. Так отчето ж всю труппу мы не видим здесь теперь?

Савинов (в сторону) Не жирно ль будет вам?

Мейерхальд (решившись слукавить) Ах! Всей душой своею Она рвалась приехать к вам в Херсон.

Сам Данченко сказал: "Ну, как хотите, А без Херсона я жить дольше не могу!" А Книппер в "Сестрах трех", воскликнув, забывшись: "В Херсон! В Херсон!", а не: "В Москву! В Москву!" С какою завистью открытой, беспредельной

На наши сборы Данченко взирал, И даже Станиславский тшечно Молил нас всех забрать его с собою. Увы! Москва сказала им: "Останьтесь! Ведь вы мои! Зачем в Херсон вы рветесь? Ужели здесь мы не оценим вас?" И все, скрепя сердца, остались порешили, Хоть я не поручусь, что при одном призыве Явиться к вам, в Херсон, они, презрев Москву, Свои стопы к вам мигом не направят.

Прошу вас я — не будьте так жестоки, Оставьте их Москве, пусть тешится она, И не лишайте вы ее того, что много лет Красой и гордостью ее всегда считалось! Молю я вас о том!

Театральная комиссия (великодушно) Пусть будет так! Пусть Лужский, и Москвин, и Данченко Владимир, И Станиславский сам, и Книппер, и другие Останутся в Москве! Бог с всю!

Мейерхальд Бью вам челом На милости, почтенные бояре!

Театральная комиссия

Теперь внимайте нам с благоговением: Читать вам станем все "постановленья". Читай-ка, дяк!

Думный дяк (читает) Комиссия театра Приказывает вам на сцене не курить, В свои уборные ни чад, ни домочадцев

Под страхом грозной казни не вводить. В антрактах грозной казни не вводить. В антрактах вам нельзя стоять на сцене. За ней, в уборных, можете сидеть; На вызов выходить вам раза три — не боле, И строго воспрещается вам всем Руками декораций прикасаться, Затем что холет от времени уж стгнил, Гроза рассыпаться. А также вы

зарвавшись, Утешья причинили. Кричат: "Бей! Жги! Топи!" Мне откусили нос, Черкасову же зубы Единоым махом выбили. Взгляни!

Мейерхальд (грозно) Савинова позвать! (Савинов робко входит.) Мейерхальд (еще грозней) Что сделал ты, преступный?! (указывая на увечных любителей.) Ужьель в тебе совсем заглохла жалость, Носов любительских ужьель тебе не жаль?

Савинов Прости мне, Мейерхальд! "По Станиславскому" хотел я ставить сцену. Кричу: "Бей! Жги! Топи! Работайте дружней!" Мейерхальд Эй, думные бояре! На Чехове мы выбор свой остановили, Затем что пьеса "Три сестры" К мысленно умы располагает. Да ведомо вам будет, что и впредь Мы ставить все такие пьесы будем! Не надобно нам скучных переделок. Пусть ставят их другие лицедей! А вы, "народ", вас жалую в бояре! ("Бояре" низко кланяются.)

должны Оказывать всякийшее почтение Комиссии всем театральной членам И подкомиссии, а также всем, кто делом Или безделием к комиссии причастен. Репертуар нам всем на усмотренье Должны представить вы. Предупреждаем вас, Что постоянной драмы не потерпим, Что Чехов, Гауптман, Ибсен и Зудерман Постыли нам, и, буде вам возможно, "Мадам де Турбилюн" иль "Даму от Максима"

Предоставить нам — зело мы будем рады. Мейерхальд (с отчаянием) Позвольте. Театральная комиссия (сурово) Пусть дочитает дяк! Думный дяк (читает дальше) А также должно вам Иметь в виду, что мейбель городскую, Которую на сцену вам дадим, Должны вы, как зеницу ока, Оберегать: садитесь осторожно, И раньше, чем усесться, осмотреть Костюм свой, нет ли в нем изъяна Иль пятен. А также вы должны По тем коврам, что вам дадим на сцену, На цыпочках ступать, а, будем то возможно, На сцену выходя, снимать ботинки.

Мейерхальд (страдальчески вздыхает) О, Господи!

Думный дяк (читает) И помнить вы должны, Что мы за все с вас возьмем очень строго! Теперь — о распорядке вашей жизни: Коль пьете часто чай — отнюдь не пейте с ромом, И не могте пить ни пива, ни вина; В семейной жизни будьте благонравны, Не ссориться ни с кем.

Мейерхальд О, Боже! Что за пытка! Ведь ей конца не будет никогда! Что за комиссия, Создатель, С комиссией театральной толковать!

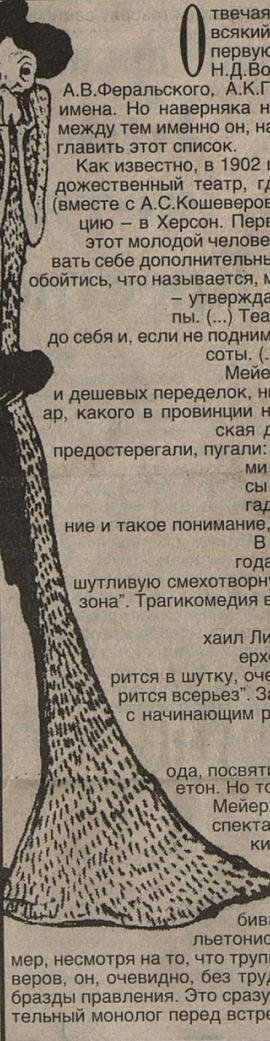
Думный дяк (читает) А также вы должны, (Читает очень долго. Под конец чтения труппа спит богатырским

Мейерхальд К тебе мы с челобитьем! В "народной сцене" нам любители,

любители — неопытны, как видно, И закипел меж ними бой жестокий. Старались все, чтоб лучше отличиться. А вышло так, как будто на Забалке Передрались "большие кулаки". Ах! В том носу и в тех зубах погибших Я не виновен! Верь мне, Мейерхальд!

Мейерхальд Не "станислав" с избытком, умоляю. Иначе за протори заплатит Придется мне. — Черкасов, успокойся. И ты, безносый, брось! Утешьте-ка себя, Что на алтарь искусства вы сегодня Свой нос и зубы в жертву принесли. (Любители, успокоенные, отходят. Входит Клейзмер.)

Коткрытие сезона Трагикомедия в двух действиях жалуй, сам Мейерхальд не сформулировал бы свою тогдашнюю программу точнее. Препирательства с чиновной братией говорят сами за себя. Сегодня читаешь и дивишься: вот уж, действительно, не истребят ни годы, ни моды, ни погоды. В Херсоне Мейерхальду суждено будет пройти сложный и мучительный путь через освоение на собственной практике методов Художественного театра и поиска нового театрального языка. Но пока об этом, естественно, никто еще и знать не знает. Только де-Линь небрежно бросает свое ироничное "не станислав". Любопытно и то, что трагикомедия написана как бы в подражание трагедии А.К.Толстого "Смерть Иоанна Грозного", а во втором действии речь прямо идет об этой постановке. Спектакль вскоре назовут шедевром Мейерхальда, он выдержит самое большое число представлений и сделает самые крупные сборы. Но дело не только в этом. Между Мейерхальдом и образом Грозного существует некая мистическая связь. Ассоциация де-Линь не случайна. Она — одна из многих, на протяжении десятилетий возникавших у разных людей и претерпевавших порой самые неожиданные метаморфозы. Эта проблема еще ждет своих исследователей. Де-Линь все угадал: настроженность и вместе с тем любопытство херсонцев, упорство (даже упрямство) Мейерхальда, его борьбу и победу. "Прихотить херсонцев к серьезной драме" удалось.

"Покорение" началось уже с первого спектакля — чеховских "Трех сестер". Херсонский сезон 1902/1903 годов окончился триумфом, и в этом смысле остался уникальным. Ни до этого — в жизни Мейерхальда-актера, ни после — в судьбе Мейерхальда-режиссера, такого не было и не будет. В тот первый сезон Мейерхальд был еще не совсем Мейерхальдом; да и провинция воспринимала его как продолжателя дела Московского Художественного театра. Достойный ученик Немровича-Данченко и Станиславского предлагал любопытствующим херсонцам то, чего от него ждали, а делал он это с блеском. И был триумф, восторги и море цветов. Но уже через год, в том же Херсоне молодой режиссер начнет "вылупляться" из ученической скорлупы, искать себя, экспериментировать, во всеуслышание заявив об отходе от традиций МХТ. И все поразительным образом переменится. Какой уж там триумф — стычки, схватки, кровь горлом. Об этом еще будут написаны книги. Но ведь то, что говорится в шутку, часто серьезнее того, что говорится всерьез. Де-Линь напишет новую пьесу в стихах. Впрочем, это уже другая история.

Клейзмер Бью тебе челом, антрепренер херсонский!

Мейерхальд Кто ты?

Клейзмер Кто? Раньше был царьком, теперь — увы! — ничто!

Мейерхальд Зачем явился ты?

Клейзмер Пришел я с челобитной. Умоляю, Оповести всю публику сейчас, Что я к делам твоим отныне непричастен. Иначе мне беда! Шумливаю толпою Она стучится в дверь мою теперь. Мне не дает поспать, мне не дает обедать, И на заре, и в поздний час полночи Тревожит мой покой вопросами такими.

Мейерхальд (Клейзмеру) Ступай ты с миром! Отныне публика тревожить твой покой Не станет боле. Верь мне, Яков Клейзмер! (Клейзмер уходит.) Кто там еще?

Сторож (придерживая за шиворот херсонца) Поймал его я, господин. Когда он порывался незаметно На репетицию пробраться к вам. Как соглядатая тебе его представил.

Мейерхальд (грозно) Зачем, как тать, в театр ты пробрался?

мы По-прежнему к тебе направим просьбы О том, о сем. Но я не внял их слезным увещаньям. Я им сказал: "Мое решенье твердо!"

Мейерхальд (Клейзмеру) Ступай ты с миром! Отныне публика тревожить твой покой Не станет боле. Верь мне, Яков Клейзмер! (Клейзмер уходит.) Кто там еще?

Сторож (придерживая за шиворот херсонца) Поймал его я, господин. Когда он порывался незаметно На репетицию пробраться к вам. Как соглядатая тебе его представил.

Мейерхальд (грозно) Зачем, как тать, в театр ты пробрался?

Наталья ЗВЕНИГОРОДСКАЯ.

Какие я теперь решать уж не могу, Я рек толпе: "Я не служу в театре!" О, если б зреть ты мог, что с нею совершилось! Рыдала публика, узнав о сем несчастьи. И стар, и млад — все слезы проливали; Какой-то темно-кудрый господин Вдруг поссдел в единое мгновение. И, окружив меня толпой, вопили все: "О, Клейзмер, на кого ты нас оставил? Куда мы, грешные, пойдём? К кому теперь стопы свои направим, Кто разрешит назревшие вопросы Всех театральных дел, и кто теперь О процветаньи сцены станет думать?" О, сжался над искусством бедным ты И не бросай его — оно осиротет! Будь снова прежним Клейзмером, а

Херсонец (робко и чистосердечно) Хотел послушать пьесу "на шармак". Мейерхальд Ну и хитер, и ловок же ты, братец! Все сэкономишь хочется тебе. Нехорошо и непохвально! Видно, Корысть бес совсем тебя опутал! На первый раз уж так и быть — прощай, Но снова попадешься — не ропщи! Херсонец Дозвольте ж контрамарку! Мейерхальд (злобно) Брысь! ЗАНАВЕС. Рисунок А. Любимова и Н. Ремизова.